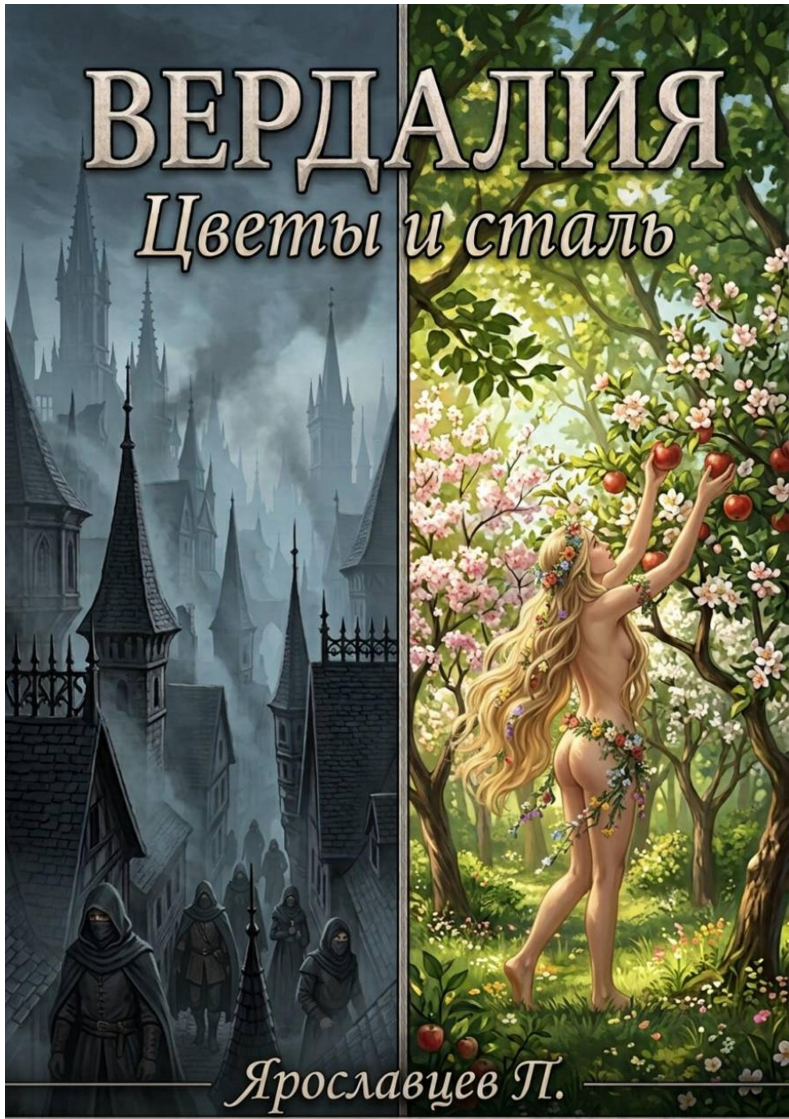

ВЕРДАЛИЯ

Цветы и сталь

Ярославцев П.

Павел Ярославцев

ВЕРДАЛИЯ Цветы и сталь

<https://litres.ru/74445892>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодой талантливый инженер, был направлен городским правительством на освоение новых земель разработку природных ресурсов для города.

Встречая в дороге новые знакомства и любовь, юноша понимает, что есть более верный и правильный путь.

Павел Ярославцев

ВЕРДАЛИЯ Цветы и сталь

Каменная броня Вердалии

Рассвет над Вердалией никогда не радовал людей первыми золотыми лучами, жители не любовались красотой утренней зари, они давно забыли как выглядит настоящее солнце. Город-государство просыпался под тяжелым свинцовым покрывалом дыма, который извергали сотни исполинских фабричных труб. Это был монументальный триумф человеческой воли, инженерной мысли и титанического труда. Царство серого камня, кованого железа и грохочущего пара.

Здесь все подчинялось строгой, безжалостной геометрии. Массивные многоэтажные дома из темного гранита давили на узкие мощеные улицы, по которым потоком двигались люди. Общество Вердалии было разделено так же четко, как городские кварталы. На нижних ярусах, в вечном полумраке и копоты, трудились рабочие; на верхних террасах, куда едва пробивались блеклые лучи солнца, располагалась знать и инженеры. Но на каждом из них лежал отпечаток этого сурового места: горожане поголовно кутались в тяжелые костюмы из плотного сукна и дубленой кожи, застегнутые на все пуговицы до самого подбородка. Их лица скрывали глубо-

кие капюшоны и глухие воротники, защищавшие от угольной пыли. Человек в Вердалии казался деталью огромного механизма, запертой в ментальную и физическую броню.

Инженерные технологии города достигли своего пика: по стальным рельсам громыхали поезда, паровые поршни приводили в движение огромные промышленные станки, по сложной системе труб в дома подавалась вода. Но эта система умирала. Город рос, пожирая сам себя. Почва вокруг Вердалии истощилась, превратившись в безжизненную глину. Колодезные насосы все чаще качали лишь мутную жижу, а угольная гарь душила людей в рабочих кварталах.

Управлял этим задыхающимся колоссом городской совет, собрание прагматичных, расчетливых технократов, видевших мир исключительно через призму цифр, отчетов и чертежей. Но истинной душой и стальным хребтом Вердалии был Магнус.

Правителю было сорок пять лет, и вся его фигура выражала абсолютный, маниакальный контроль. Его костюм представлял собой вершину инженерной мысли города: тяжелый темный мундир с глухим воротом, скрепленный массивными стальными пряжками. На руках Магнуса всегда были грубые кожаные перчатки, которые он не снимал даже на заседаниях совета. Его движения были скупыми, жесткими и

выверенными, тело правителя служило живым манифестом победы человека над собственной уязвимостью.

В молодости Магнус был идеалистом. Он читал старинные хроники, верил в легенды о нимфах и гармонии с природой. Но суровая реальность разбила эти иллюзии. Столкнувшись с первыми засухами и голодом, он понял: природа безжалостна к человеку, если её не подчинить. Он запер свои чувства в ту же каменную броню, в которую заковал город.

Магнус не был шаблонным тираном. Он был настоящим, сильным лидером, чья власть держалась на глубоком взаимном уважении и железной дисциплине. Он помнил имена своих офицеров и многих рядовых солдат, знал, у кого дома голодают дети, а у кого болеют родители. Магнус никогда не прятался за спинами людей, если рабочие копали траншею под проливным ледяным дождем, правитель стоял рядом с ними и выполнял работу. Эта искренняя, суровая забота заставляла людей идти за ним куда угодно, не из-за страха наказания, а потому что видели в нем сильного человека, способного принимать решения, действовать во благо людей, и брать на себя тяжесть ответственности.

Тяжесть камня и зов листьев

На самой высокой точке строящегося восточного кварта-

ла, окутанная клубами белого пара и черной угольной копоти, высилась новая водонапорная башня. Огромный каркас из кованого железа и монолитного серого гранита должен был стать новым сердцем распределительной системы Вердалии.

Строительством руководил Ион. В свои двадцать пять лет он считался одним из самых талантливых и многообещающих архитекторов города-государства. Городской совет ценил его за безупречный расчет, знание дела и умение подчинять пространство строгим линиям. Но сам Ион уже давно не чувствовал радости от своей работы.

Каждое утро он облачался в свой парадный инженерный костюм, вершину сословной моды Вердалии. Это было дорогой, но тяжелый плащ из плотного темно синего сукна с жестким, глухо застегнутым воротом, под которым скрывалась тугая шелковая рубашка. Кожаный ремень со стальной пряжкой стягивал талию, заставляя держать спину неестественно прямой, а узкие высокие сапоги сковывали движения. Эта одежда была его статусом, его защитой от едкого смога и одновременно его персональной клеткой.

Ион страдал от душевной пустоты. Его жизнь была распланирована поминутно: утренние обходы, проверка чертежей, вечерние отчеты. Все вокруг казалось ему серым, безжизненным и фальшивым. Внутри него росла депрессия, которую он тщательно скрывал под маской профессионального хладнокровия. Каменные стены, которые он проектировал, слов-

но прорастали внутрь его души.

Но по ночам, когда грохот фабрик ненадолго затихал, Иону снился один и тот же сон. Он видел место, которого никогда не существовало в его реальности. Бескрайнее море зелени, чистейшую, зеркальную воду, сквозь которую виден каждый камешек, и тихий, ласкающий слух шелест листьев, от которого в груди становилось тепло. Просыпаясь в своей холодной постели от удушливого кашля, вызванного городским дымом, он долго смотрел в темный потолок, пытаясь удержать в памяти остатки этого видения.

Сегодня на строительной площадке царил хаос. Манометры показывали, что давление в трубах падает, а из глубоких колодцев вместо чистой воды шла бурая, смешанная с глиной жижа. Ион стоял на деревянных подмостках, держа в руках скрученный рулон чертежей. Ветер трепал полы его тяжелого плаща, а блеклое солнце Вердалии едва пробивалось сквозь завесу смога. Архитектор смотрел вниз на задыхающийся город и понимал: старая система мертва, а новая лишь ненадолго отсрочит неизбежный конец.

Выбор

Кризис наступал быстрее, чем предсказывали самые мрачные расчеты инженеров. Колодцы Вердалии иссякали. Городской совет созвал экстренное заседание.

Заседание городского совета проходило в большом за-

ле ратуши, монументальном помещении из полированного черного базальта, где каждый звук отзывался гулким, холодным эхом. Высокие сводчатые потолки терялись в полумраке, а источником света были газовые рожки, закрепленные на стенах. Воздух здесь был пропитан запахом дорогого табака и машинного масла.

За длинным полукруглым столом из кованого железа сидели члены совета, седовласые, суровые технократы, чьи фигуры казались монолитными в их тяжелых, наглухо застегнутых сюртуках. Перед каждым из них лежали аккуратные стопки пергаментов, исписанных бесконечными колонками цифр, графиками падения уровня воды и геодезические карты. В этом зале не было места эмоциям, здесь признавали только сухие факты и законы термодинамики.

В центре зала на огромном столе была развернута генеральная карта Вердалии и прилегающих территорий. На ней город выглядел как агрессивное серое пятно со строгими линиями кварталов, которое упиралось в сплошной, заштрихованный зеленым цветом массив, - древний запретный лес.

Глава гидравлического ведомства, бледный старик в очках с толстыми стеклами, монотонным голосом зачитывал утренний рапорт:

Динамика критическая. За последние две недели уровень в центральных резервуарах упал еще на тридцать процентов. Нижние колодцы выдают только глиняную смесь. Если тем-

пература воздуха продолжит расти, через два месяца распределительная система полностью встанет. Это означает остановку паровых генераторов, прекращение работы заводов и, как следствие, паралич всей инфраструктуры. Без чистой воды город продержится от силы восемь недель. Далее, неконтролируемые вспышки болезней и голодные бунты.

По залу прошел тяжелый, ропотный гул. Члены совета переглядывались, но на их лицах читался не страх, а холодная решимость. Для этих людей выживание города было математической задачей, требующей радикального решения.

Выход один, взял слово министр промышленности, постукивая костяшками пальцев по железному столу. Нам нужны ресурсы запретного леса. Его вековые дубы дадут угольным печам необходимый жар, его плоды и лесная дичь прокормят рабочие кварталы, а главное, подземные ключи древнего сада. Мы должны прорубить просеку, пустить туда тяжелую технику и заковать эти дикие источники в аккуратные, подконтрольные нам каменные каналы. Природа обязана служить человеку.

Магнус сидел во главе стола. Его руки в неизменных кожаных перчатках были сцеплены в замок. Он внимательно слушал докладчиков, его лицо оставалось абсолютно непроницаемым, словно отлитым из того же металла, что и стол.

Он прекрасно понимал, что этот шаг - объявление войны древним силам, в которые люди Вердалии давно перестали верить, считая их лишь сказками. Но он также знал, что за

его спиной стоят тысячи живых душ, у которых не осталось иного шанса.

Голосуем, господа, негромко, но весомо произнес Магнус. Его твердый голос мгновенно оборвал весь шопот. Кто за расширение границ Вердалии и принудительное освоение древнего леса?

Один за другим члены совета начали поднимать руки. Шелест сукна тяжелых рукавов звучал как приговор. Ни один из этих людей не сомневался в своем праве уничтожить первозданный мир ради спасения собственного. Протокол был подписан, массивная печать совета с грохотом опустилась на документ, запечатав судьбу древнего леса.

Решение было принято единогласно и безжалостно: Вердалия расширяет свои границы. Единственным спасением для перенаселенного, задыхающегося города был древний нетронутый запретный лес, веками росший за пределами каменных стен. Экспедиция должна была прорубить широкую просеку, вырубить вековые деревья и проложить каналы, чтобы пустить чистейшую воду и природные ресурсы напрямую в резервуары города.

Иона, как лучшего специалиста по гидравлике и строительству, назначили главным инженером этой масштабной экспедиции.

Перед отправкой отряда Магнус вызвал молодого архитектора в свой личный кабинет в верхней ратуше. Это была просторная, но холодная комната с высокими окнами,

обставленная строгой железной мебелью. На столах лежали карты, прижатые тяжелыми медными подсвечниками.

Ион стоял перед правителем, сжимая в руках тубус с первыми набросками просеки. Его сердце бешено колотилось. Накануне он внимательно изучил старинные геодезические карты и понял, что запретный лес, это не просто массив деревьев.

Господин правитель, горячо начал Ион, делая шаг вперед. Я изучил ландшафт. Запретный лес нельзя просто вырубить. Это живая, замкнутая экосистема, регулирующая климат всего региона. Если мы нарушим её целостность, пустим туда стальные машины и проложим каналы, мы уничтожим то, что никогда не сможем вернуть!

Магнус, стоявший спиной к архитектору, медленно повернулся. Магнус не сердился. В его глазах читалась глубокая, усталая мудрость, в которой сквозило почти отцовское тепло. Он видел в Ионе себя в молодости, такого же талантливого, чистого сердцем, но излишне романтического юношу, еще не знавшего истинной горечи жизни.

Правитель подошел к Иону, мягко взял его за локоть и подвел к огромному арочному окну. За стеклом простиралась Вердалия. Отсюда, с высоты, город казался серым морем из камня и железа, над которым лениво плыли облака копоти. Внизу, на узких улицах, копошились тысячи крошечных человеческих фигур.

Ты смотришь на этот лес и видишь поэзию, Ион, тихо,

но твердо произнес Магнус. Его голос был абсолютно спокоен, без капли злости, но в нем звенел металл. Листья, блики солнца, сказки, которыми тебя баюкала мать в детстве. А я смотрю на этот город. Видишь эти кварталы? Видишь людей? Там, внизу, сейчас живут тысячи детей, женщин и стариков. И совсем скоро они будут пить воду, смешанную с глиной, потому что наши городские источники почти полностью высохли. Если мы не дадим им чистую воду, город захлебнется в эпидемиях и голоде.

Но Сад... Если мы вырубим его, мы уничтожим уникальную первозданность, которую никогда никогда не сможем вернуть, тихо, но отчаянно выдохнул Ион, чувствуя, как его идеалистические доводы разбиваются о сухую реальность.

Магнус повернулся к нему лицом и положил тяжелую, грубую руку в кожаной перчатке на плечо юноши, слегка сжав его, как отец сжимает плечо сына перед лицом сурового испытания.

Красота не кормит детей, Ион. Жизнь это вечная война между камнем, который мы строим, и хаосом, который пытается его поглотить. Я выберу человека. Всегда. Чего бы мне это ни стоило.

Правитель заглянул в глаза молодому архитектору, и его взгляд стал еще серьезнее, еще строже, но в нем читалась искренняя вера в юношу.

Ты нужен городу, Ион. Не Городскому совету с его отчетами и цифрами, а этим людям внизу. Твой талант, твой ост-

рый ум и твои знания, это то, что спасет их от гибели. Без твоих расчетов мы просто погубим солдат в этих зарослях и не сможем провести воду. Я доверяю эту задачу тебе, потому что знаю: ты сделаешь это правильно и сбережешь жизни. Твоя задача как инженера, прибыть к границе леса, развернуть лагерь и подготовить плацдарм для вырубki. Добудь для Вердалии древесину, плоды, и главное, воду! Ступай!

Экспедиция

Когда тяжелая дубовая дверь кабинета правителя захлопнулась, Ион остался стоять в пустом, гулком коридоре ратуши. Отцовский тон Магнуса, его строгий, но теплый взгляд не принесли архитектору облегчения. Напротив, грубая рука в кожаной перчатке словно оставила невидимый клейменный след на его плече, след неподъемной ответственности.

Ион чувствовал себя растерянным. Магнус возложил на него тяжесть грядущего, ответственность за жизни людей и судьбу леса. Внутри у молодого инженера бушевала буря: его идеалы, стихи и ночные сны о чистом, шелестящем лесе и прозрачной воде, теперь сталкивались с сухим, математическим долгом перед тысячами задыхающихся горожан. Он понимал логику правителя, но его душа кричала от предчувствия неминуемой катастрофы. Дорогой суконный мундир казался сейчас тяжелее обычного, он стягивал грудь, мешая сделать вдох.

Раннее утро дня отъезда встретило Иона хаотичным шумом на Южной площади у городских ворот. Рассвет, как обычно, не принес солнца, лишь грязно-серые лучи просочились сквозь вечную гарь фабрик.

Вокруг царила лихорадочная суета. Повсюду грохотали кованные сапоги солдат и рабочих. Десятки людей в застегнутых до подбородка куртках грузили снаряжение. Скрипели тяжелые грузовые телеги, запряженные лоснящимися от пота тяжеловозами. Солдаты перетаскивали стальные трубы, ящики с оборудованием, гидравлическими насосами, топорами и тяжелыми кирками. В воздухе стоял густой пар от дыхания людей, смешанный с запахом дегтя, мокрой конской шерсти и механической смазки. Чуть поодаль с металлическим лязгом и свистом выпускали пар огромные машины — стальные паровые буры и лесорубные пилы, похожие на неуклюжих, грозных чудовищ.

Ион стоял в самом центре этого бурлящего человеческого муравейника, держа в руках замусоленный планшет с чертежами и списками грузов. Ему приходилось перекрикивать грохот машин и крики людей, отдавая приказы:

Четвертый взвод, закрепите манометры на третьей телеге! Осторожнее с медными трубками! Сержант, почему ящики с сухим пайком до сих пор на земле? Грузите в авангард!

Но пока его голос отдавал четкие, механические команды, разум Иона оставался пугающе отстраненным. Посреди это-

го индустриального ада, лязга железа и суеты людей, архитектор чувствовал себя оглушенным и одиноким. Этот шум не заглушал пустоту внутри него, а лишь подчеркивал её. Все эти стальные машины, которые он сам когда-то проектировал, теперь казались ему орудиями пыток, предназначенными для убийства живого мира. Ему казалось, что он ведет этот огромный железный отряд прямо в сердце своего чистого сна.

Когда прозвучал финальный свисток, тяжелые железные ворота Вердалии со скрежетом поползли вверх, открывая путь на неизведанные земли, Ион поправил жесткий воротник, сжал планшет до хруста в пальцах и дал команду к выступлению.

Скрежет многотонных кованых петель Южных ворот оборвался глухим ударным эхом. Железный занавес Вердалии поднялся, и авангард экспедиции медленно перешагнул черту. Ион шел во главе колонны. Сделав всего несколько шагов по каменистой насыпи, он замер, не в силах двигаться дальше.

Он впервые в жизни покинул пределы каменных стен.

Прямо перед ним, простираясь до самого горизонта, лежал совершенно иной мир. Ион поднял голову и зажмурился: над его лицом, прорезав вековую городскую копоть, вспыхнуло настоящее, чистое солнце. Его свет не был блеклым или рассеянным, как в верхней ратуше, он хлынул золотым, ослепительным потоком, заставив архитектора ин-

стинктивно прикрыть глаза ладонью. Солнечные лучи коснулись его лица, и Ион с удивлением почувствовал их живое, ласковое тепло на своей коже, ощущение, которое не мог подарить ни один паровой радиатор Вердалии.

Но больше всего его поразила земля у подножия стены. Там, где кончался мертвый, потрескавшийся от времени серый гранит укреплений, начиналось буйство первозданной жизни. Прямо из каменистых расщелин, упрямо пробивая вековую дорожную пыль, росли дикие цветы. Они были пронзительно-синими и огненно-желтыми, таких ярких, чистых цветов Ион не видел даже на полотнах лучших живописцев. Их нежные лепестки трепетали от легкого, прохладного ветра, который пах не машинным маслом и углем, а влажной землей, озоном и свежестью травы.

Этот контраст был оглушающим. Сзади него возвышалась Вердалия, колоссальная, угрюмая гора из мертвого, закопченного камня, оцетинившаяся железными шпильями и извергающая грязно-серый дым. А впереди, обнимая подножие этой циклопической тюрьмы, дышал, цвел и переливался под лучами солнца живой мир.

В груди Иона что-то болезненно надломилось. На мгновение его депрессия и душевная пустота отступили, сменившись щемящим, почти детским трепетом. Его ночные сны, которые он считал лишь игрой утомленного разума, обрели плоть и кровь. Ему безумно захотелось сорвать с себя тяжелый, стягивающий горло воротник мундира, упасть на эту

влажную траву и просто дышать.

Господин инженер, строй задерживаете, негромко проворчал шедший позади сержант, недоверчиво косясь на распустившийся бутон у его сапога.

Ион вздрогнул. Реальность вернулась, ударив по нервам лязгом гусениц стального бура, который с тяжелым пыхтением выползал из ворот вслед за людьми. Архитектор посмотрел на хрупкие цветы, которые через несколько минут будут безжалостно раздавлены тяжелыми колесами армейских телег. Чувство вины мертвой хваткой сжало его сердце. Он вел эту железную саранчу на убой того самого великолепия, которое только что вернуло его к жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.